

О. А. ДОБИШАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ЗАСЕДАНИИ
СМЕШАННОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ
15 СЕНТЯБРЯ 1922 г.*

По Рижскому мирному договору с Польшей от 18 марта 1921 г. (7-я статья, 9-й пункт) Россия обязалась возвратить книги и рукописи, вывезенные царским правительством из польских библиотек в конце XVIII в. и в течение XIX в. В первую очередь это касалось библиотеки братьев Залуских, создателем которой был Юзеф Анджей, граф Залуский, епископ Киевский и великий референдарий коронный (1702—1773), происходивший из знатной польской фамилии. Ю. А. Залуский посвятил всю свою жизнь и огромное состояние приобретению книг, рукописей, документов и с помощью старшего брата, графа Анджея Станислава Костка, епископа Краковского, собрал знаменитую библиотеку, равной которой не существовало в Польше. В 1747 г. библиотека была торжественно открыта в Варшаве для всеобщего пользования.¹ В 1795 г. фонды библиотеки Залуских (после 3-го раздела Польши) были вывезены в Петербург, где стали основанием для Императорской Публичной библиотеки.

Публикуемый документ содержит выступление О. А. Добишаш-Рождественской 15 сентября 1922 г. на заседании Смешанной специальной комиссии (польской и русско-украинской) в Москве.² Комиссия была создана для определения порядка возвращения Польше книг и рукописей из польских библиотек, хранящихся главным образом в Публичной библиотеке. В состав комиссии входили видные польские и российские ученые. Среди них от России: академик С. Ф. Платонов, заместитель директора Публичной библиотеки А. И. Браудо, О. А. Добишаш-Рождественская (тогда профессор Петроградского университета), профессор того же университета и библиотечарь Публичной библиотеки

* Предисловие и примечания Т. П. Вороневой.

¹ *Bankowski P.* Biblioteka Publiczna Zaluskich i jej twórcy. Warszawa, 1959, 62 s.

² ОР РНБ. Ф. 254. Добишаш-Рождественская О. А. Ед. хр. 47. Машинопись на 16 листах с авторской правкой.

И. И. Яковкин, член и непеременимый секретарь Российской Академии наук С. Ф. Ольденбург, профессор М. И. Пергамент. Кроме того, в разные годы в работе комиссии принимали участие сотрудники Публичной библиотеки — М. Л. Лозинский, Э. Л. Радлов, В. М. Андерсон, В. Г. Гейман, А. М. Гладышева, В. В. Майков, И. А. Бычков, Д. И. Абрамович, В. Э. Банк.

Польскую сторону представляли: директор университетской библиотеки в Познани Э. Кунце, хранитель университетской библиотеки в Варшаве Ст. Ригель, директор библиотеки во Львове Л. Бернацкий; профессор Варшавского университета член Польской Академии наук М. Гандельсман, старший референт правового отдела МИД Польши Ж. Мочарский, профессор, член Польской Академии наук, директор архива в Люблине С. Пташицкий, директор архива в Варшаве Ю. Семеньский. Комиссия работала с 23 ноября 1921 г. по 11 мая 1923 г. в Москве. Жаркие споры и дискуссии, к сожалению, для российско-украинской делегации закончились неблагоприятно: отстоять рукописи, хранящиеся в Публичной библиотеке, за очень небольшим исключением, не удалось. Заявление О. А. Добишаш-Рождественской о том, что «в силу преобладающего мирового значения Публичной библиотеки все рукописное собрание, в полном его составе, и прежде всего латинское собрание, надлежит в принципе объявить неприкосновенным», вызвало со стороны польских экспертов ожесточенную критику. Особенно это относится к выступлениям М. Гандельсмана и С. Пташицкого.³ В итоге в течение 1923—1934 гг. в Польшу вернулось более 14 тысяч рукописей. Перечень их шифров был опубликован в 1928 г., а затем дополнительно в 1937 г.⁴ в Кракове. Подробные данные о возвращенных из Ленинграда рукописях содержатся также в книге хранителя Отдела рукописей Национальной библиотеки Петра Баньковского.⁵ Все манускрипты были переданы этой библиотеке как наследнице библиотеки Залуских.

Вторая мировая война уничтожила этот бесценный фонд, из которого только некоторая часть была увезена фашистскими захватчиками, а другая — сожжена, за небольшим исключением. Это случилось в октябре 1944 г., после подавления Варшавского восстания. Благодаря тщательным разысканиям польских библиотечарей к 1979 г. удалось обнаружить 1894 ед. уцелевших рукописей, среди которых наибольшее число составляют немецкие

³ Dokumenty dotyczące akcji delegacji polskich w Komisjach Mieszanych Rewakacyjnej i Specjalnej w Moskwie. Zeszyt 8. Rewindykacja zbiorów polskich z Rosyjskiej Biblioteki Publicznej w Petersburgu i innych bibliotek Rosji i Ukrainy. Warszawa, 1923, S. 127—131, 317—321; 159—163.

⁴ *Sigla codicum manuscriptorum qui olim in Bibliotheca Publica Leninopolitana exstantes nunc in Bibliotheca Universitatis Varsoviensis asservantur.* Edita cura Delegationis Polonicae in mixta Polono-Soviética Commissione Peculiari Moscoviae. Kraków, 1928; Supplementum... Kraków, 1937.

⁵ *Bankowski P.* Rękopisy rewindykowane przez Polskę na podstawie traktatu rzyckiego i ich dotychczasowe opracowania. Kraków, 1937.

(1190 ед.). Список их шифров (новых и старых петербургских) опубликован в каталоге Б. С. Купшча и К. Мушиньской.⁶

Несмотря на то, что перевод речи О. А. Добиаши-Рождественской на польский язык был напечатан в Варшаве в 1923 г. в издании на правах рукописи,⁷ мы посчитали целесообразным опубликовать ее в оригинале как свидетельство отчаянной попытки русских ученых спасти бесценные фонды Публичной библиотеки от разрушения. Достаточно сказать, что в результате польских изъятий западный рукописный фонд библиотеки сократился на $\frac{1}{2}$ своего состава (отдано более 14 тыс. ед., осталось около 6 тыс.). Но самое горькое для мировой науки — то, что подавляющая часть возвращенных рукописей погибла. Как писала О. А. Добиаши-Рождественская: «Гибельным был факт сдвига... Ни для людей, ни для библиотек годы и события проходят даром».

РЕЧЬ ПРОФЕССОРА ДОБИАШИ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА 9-м ЗАСЕДАНИИ СМЕШАННОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ 15 СЕНТЯБРЯ 1922 г.

В предыдущих речах наших оппонентов с польской стороны вначале прозвучало немало такого, что могло вызвать нас к сведению старых тяжелых счетов, ибо слишком много усилий было в них затрачено на красочное изображение темных дел старины. Но мы не будем вступать на этот путь. Мы будем держаться в рамках, намеченных вначале академиком Ольденбургом,¹ не поминая «ни насилий русских над поляками, ни поляков над русскими», не говорить ни о мрачных подробностях вывоза польских библиотек, ни о еще более ужасных подробностях сожжения библиотек русских. И как бы ни будили иные речи духов минувшего, мы отворачиваемся от этих привидений: здесь мы должны сделать слишком важное дело — дело настоящего и будущего, а оно может привести к чему-нибудь положительному только в атмосфере спокойного обсуждения.

Я коснусь немногих пунктов в речах предшествовавших уважаемых гг. ораторов, которых освещение могло бы содействовать выяснению нашей точки зрения.

Диктуют ли интересы науки такие меры, как возврат увезенных за столетия назад библиотек, не сохранивших уже своей ин-

⁶ Kupski B. St., Muszyńska K. Katalog rękopisów. Seria 2. Tom 2. Rękopisy z biblioteki Zaśluskich i innych zbiorów polskich zwrócone z Leningradu w latach 1923—1934. Warszawa, 1980. S. 563—584.

⁷ Referat Eksperta Delegacji Rosyjsko-Ukraińskiej prof. O. Dobiasz-Rozdziewiczskiej // Dokumenty dotyczące akcji... S. 225—236.

¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — русский востоковед-индолог; академик с 1900 г.; непререкаемый секретарь Академии наук; в 1930—1934 гг. — директор Института востоковедения АН СССР; эксперт российско-украинской делегации в Смешанной специальной комиссии в 1922—1923 гг. по выполнению Рижского договора 1921 г. о возвращении Польше культурных ценностей, вывезенных Россией в конце XVIII в. и в течение XIX в.

дивидуальности и живших в условиях, подобных условиям Российской Публичной библиотеки?

Каковы по этому вопросу: 1) опыт; 2) суждение беспристрастной науки?

Уважаемый г-н профессор Гандельсман² дал по этому вопросу две справки, из которых одна во многом представляется неверной, а другая недостаточно убедительной.

Справка первая:

«Могу вас уверить, господа, что в практике наполеоновских войн нет факта захвата чужой собственности без последовавшей хотя бы договорной санкции. В то же время не могу не припомнить, что Франция в 1815 г. вынуждена была вернуть все те предметы, которые... поступили в Париж».

Если в этой аргументации звучит желание снять тень с дорогого для воспоминания польского народа героя и противопоставить его методы методам Екатерины II, то желание это может быть — субъективно — понятно. Но историк и объективному мыслителю не может не представляться крайне слабой защитой ссылка на «хотя бы последующие договоры».

Не знаю, принесли ли они какое-нибудь утешение ограбляемым народам. Снявши голову, по волосам не плачут. И тот, кто совершил операцию усечения, делает уже излишне красивый жест, возвращая прическу. Могучий, воинственный насильник со сотысячной армией за спиной всегда мог получить нужную ему санкцию, а если контрагент — соответствующее правительство — заупрямилось бы, он всегда мог сфабриковать такое, которое было бы более сговорчивым. Так именно — мы это знаем — поступал Наполеон. Екатерина II была только откровеннее.

Я видела бы оправдание коллекционерских предприятий Наполеона не в «хотя бы последующих договорах», но в величии его идеи, как сына революционной Франции с ее всемирной мечтой, — идеи, которая, однако, Наполеону не далась, потому что как деспот и солдат он разрушил ее сам грубостью выполнения. Эта идея была — создать в Париже, в городе-светочке, «сердце мира», мировой очаг науки и ее сокровищ-архивов и библиотек. Но деспот и солдат победил в нем мирового деятеля и революционного вожда: наполеоновское коллекционерство загубило многое в европейских библиотеках. Растеряв, перепутав, перетопив их в альпийских потоках, он совершил грех перед мировой наукой.

Именно в таком смысле все это было грехом и бедствием, гораздо более, чем в том, что вместо Мадрида и Ватикана архивы Европы получил Париж. Гибельным был факт сдвига.

Но однажды совершившись, он был непоправим. Ни для людей, ни для библиотек годы и события проходят даром.

Из того, что произошло, нужно было, не теряя времени, сделать выводы для будущего.

² Гандельсман М. (Dr. Marcell Handelman), проф. Варшавского университета, член Польской АН, председатель Варшавского общества любителей наук, редактор журнала «Przegląd historyczny», эксперт польской делегации в Смешанной специальной комиссии по выполнению Рижского договора 1921 г.

Их сделала французская наука.

Армии ее ревностных архивистов начинают классифицировать сосредоточенные в Париже материалы. Для многих из них, пред лицом непоправимости совершенного ущерба, открывалась лучшая судьба на берегах Сены, нежели на берегах Тибра и за Пиренеями. В огромном городе, где науку еще окружал свет лучших дней революционной свободы и всечеловеческих идеалов, открывались для исследователей всего мира наглухо скрытые прежде сокровища. Приподнималась завеса, скрывавшая ранее от науки тайны ватиканских и мадридских архивалий. Казалось, примирившись с неизбежным, библиотечное дело могло двинуться к дальнейшему развитию на новой, лучшей основе.

В этот-то момент, когда в Париже начиналась большая и плодотворная работа, «Франция вынуждена была», как совершенно точно указывает уважаемый г-н проф. Гандельсман, «вернуть» лекции. Она вынуждена была к этому реставрационными стремлениями Священного Союза,³ менее всего руководившегося научными соображениями или правами наций, но направлявшегося, под эгидой Меттерниха,⁴ политикой мести очагу революционной заразы и эпигону Великой революции — Наполеону.

И если этот причудливый гений, при всем величии своей идеи, совершил преступление, сдаивув с места почтенные фонды, еще больший ущерб нанес им Священный Союз, вынудив Францию вновь тревожить только что успокоившееся и начавшее приходить в гармонию целое.

Об этом навряд ли могут быть два мнения. *Результат* новой плачевной операции: исчезновение огромной части рукописных сокровищ, перепутанные связи их и последовательность, бессмысленные каталоги, драгоценные памятники, перемолотые на бумагу за невозможностью их вывезти, и брошенные случайные части: результат — вновь более чем на полстолетия стеснившаяся тайна над архивами Рима и Мадрида.

Таким образом, я считаю малоудачной для доказательства тезиса уважаемого г-на профессора Гандельсмана его первую ссылку. Она доказательна скорее в смысле обратном.

Неубедительной точно так же представляется и другая ссылка на «мнение моих друзей, ряда наиболее известных историков и архивистов Франции, Бельгии и Англии, с которыми (как замечает г-н профессор Гандельсман) мне пришлось говорить в этом году о моем выезде в Москву и для которых было вполне очевидно, что ограбление польских библиотек должно быть возмещено».

В этом указании, к сожалению анонимном (уважаемый профессор Гандельсман не поименовал своих друзей), есть нечто

³ «Священный Союз» — союз европейских монархов (австрийского, прусского и русского), заключенный после крушения наполеоновской империи по инициативе императора Александра I.

⁴ Меттерних Клемент-Венцель, князь, герцог Порталла (1773—1859) — австрийский дипломат и министр иностранных дел, председательствовал на открывшемся в сентябре 1814 г. Венском конгрессе.

вроде ссылки на арбитраж европейской науки. При известных условиях в нем мог бы быть для нас веский аргумент. Тем более что и мы всей душой хотели бы идти навстречу удовлетворению законных желаний польской стороны. Весь вопрос — какой ценой для интересов общей науки?

Я не знаю, кто друзья г-на профессора Гандельсмана и *что* именно — *о формах и пределах* возмещений — они ему говорили. Мы вполне допускаем возможность, что в настоящие дни, когда мир охвачен духом мести и отравлен ядовитым хлебом репараций, иные ученые высказывают мысли, какие не высказали бы в спокойное время.

Но и у нас были друзья и учителя среди западных великих архивистов. Мне вспоминаются их голоса, звучавшие в менее тревожные времена. Мне вспоминаются незабвенные лекции моего учителя и друга директора Национального архива Ш. В. Ланглуа,⁵ который в качестве грозного урока деяний, каким не следует подражать, изображал нам ужасы того, что произошло в результате репараций Священного Союза. Я вспоминаю столь красноречивое в своей сдержанности осуждение великим немецким филологом Л. Траубе⁶ (*Vorlesungen und Abhandlungen*, t. I, p. 85) намерений немецких ученых «требовать обратно в 70 г. немецкие рукописи, оставшиеся в Париже».

Этого последнего замечания было бы довольно, чтобы обнаружить неверность положения г-на профессора Гандельсмана, будто в 1815 г. *все* рукописи были вывезены обратно из Парижа. Всякий, кто работал в Национальной библиотеке, в Национальном архиве и в Лувре, знает, как много еще там осталось от коллекционерского предприятия Наполеона I. К счастью! Если мы оценим судьбу вывезенных архивалий.

Мы твердо помним уроки истории, стараемся вдуматься в них — как и в заветы наших учителей, провозглашенные вне угара политических страстей, в годы мирной работы.

Мы не можем думать, что время течет бесплодно, что вещи не изменяются в нем. И если нельзя было вернуть 15 лет — срок жизни менее одного поколения, — как вернуть 130?

Мы глубоко понимаем многие чувства наших собеседников польской стороны. Идя им навстречу, мы добросовестно сделаем все, чтобы вернуть утраченное там, где следы к нему не заросли и где его извлечение не губит живых организмов.

Вспомняя одну из глубже всего затронувших нас и убедительных речей, которые были сказаны в этом почтенном собрании с польской стороны, — речь уважаемого профессора Пташицкого,⁷ я остановлюсь на том глубоком вопросе, с которым он обратился к

⁵ Ланглуа Шарль-Виктор (Langlois Ch.-V., 1863—1929) — французский историк-медиевист, профессор Сорбонны, директор Национального архива Франции, член Академии наук.

⁶ Траубе Людвиг (Traube Ludwig, 1861—1907) — немецкий филолог и палеограф.

⁷ Пташицкий С. (Ptaszycki Stanislaw) — профессор и проректор Львовского университета, член Польской АН, директор Государственного архива в Люблине.

нам. Мысль его была: «Неужели из этого здания, стройного в других частях и недостаточно организованного в частях спорных — нельзя вынуть тех старых камней, которые когда-то послужили для его основания?»

Очень сложен, разумеется, ответ на этот вопрос. Он много и разнообразно подкреплялся сделанными нам указаниями и предложениями способов этой операции выемки. Много дебатировался вопрос об «органической связи», о «понятии коллекции». Я не претендую сейчас охватить его в целом. Это дело специальной экспертизы. Сегодня, когда близятся, по-видимому, к окончанию наши беседы общего характера, мне хотелось дать только некоторые иллюстрации, которые добросовестно выяснили бы нашим собеседникам, почему мы — поскольку речь идет о нашем научном убеждении — не могли бы принять ответственности за выемку старых камней — по крайней мере в огромном множестве случаев. Тут, конечно, есть оттенки и исключения...

Я коснусь, в виде иллюстрации, вопроса, почему мы стоим за неприкосновенность рукописного собрания Публичной библиотеки в латинском его фонде.

Я буду говорить о нем, как ближе мне знакомом, как наиболее многочисленном по составу вывезенных из Польши рукописных номеров, и как особенно подходящем под определение мирового:

1) в силу своего содержания;

2) в силу тех отношений и связей, в какие «польские» в нем части вступают с частями не польского происхождения.

В ряду более чем 8,5 тыс. рукописей, которые составляют латинский фонд Публичной библиотеки (Граубе и Корженниковский⁸ в пределах одной сотни расходятся в его учете), приблизительно половина происходит из польских библиотек. Мы говорим «приблизительно», ибо не знаем точных методов определения этого происхождения и менее всего могли бы положиться на букву «z» (zet) писаного инвентаря.⁹

Как приходится оценивать в жизни и значении Публичной библиотеки эту часть, пришедшую из Польши или прошедшую через нее? Я говорю «прошедшую», ибо для многих из этих рукописей Польша является не их родиной, но лишь предпоследним этапом их долгого пути с Запада на Восток. Большинству присутствующих здесь ученых известна классификация, по какой расположены в Публичной библиотеке латинские ее собрания (как и многие давно сложившиеся системы, она подвергалась во многом справедливой критике, но она освящена долгой традицией и, во всяком случае, теперь уже практически удобно рассматривать материал в ее рамках). В этой системе самые крупные по числу и по значению массы латинских mss обнимают отделы так называемых *теологий* и *философии* (быть может, до 2 тыс.).

⁸ «Каталог Корженниковского» — *Korzeniowski Józef. Zapiski z rękopisów Cesarskiej Biblioteki Publicznej w Petersburgu i innych Bibliotek petersburskich. Kraków, 1910. 408 s.*
⁹ «Писанный инвентарь» — имеется в виду инвентарь, составленный в Имп. Публичной библиотеке в середине XIX в. на все рукописные книги Западного фонда.

Менее многочисленны, но сами по себе значительны и содержательны Отделы *юриспруденции* и *истории*. Далее следует *поэзия*, *эпохенция*, *полиграфия* и другие более мелкие отделы.

Самый факт, что обсуждаемые ныне mss — латинские mss, дает серьезную точку опоры определению их как мировых ценностей. Латинский язык с самого начала Средних веков, над пестрым хаосом начинающихся определяться народных индивидуальностей, стал языком той интернациональной интеллигенции, которая группировалась более всего около Церкви, — вселенской, мировой по своим заданиям, идеям и интересам. Составляя огромную сверхнародную *Rem Publicam litterarum*, связанную, выше и вне местных привязанностей, общностью школы, мыслей, стремлений и общностью форм их выражения, эта интеллигенция притивостояла миру в его стихийном разнообразии — с Библией в одной руке и с Дигестами в другой, она стремилась перестроить себя и мир по Моисею, Христу и Юстиниану.¹⁰

Сверхнациональное содержание, свойственное ее творчеству и связанное тесно с формой латинского языка в Средние века, останется в известном смысле не менее характерным для латинских рукописей более поздней эпохи XV, XVI и XVII веков, когда чисто национальные интересы все свободнее и шире находят себе выражение в народных языках.

Если с этим общим критерием подойти к латинскому собранию Публичной библиотеки — он находит в нем полное оправдание.

В самом деле, что представляют *самые многочисленные группы* (я назвала бы их коллекциями) латинских отделов?

Я перечислю главные.

Это прежде всего огромная группа (ее можно считать во многих сотнях рукописей) *латинской патрологии*, в копиях большей частью польской, но весьма часто и иной руки — отцы, учителя Западной церкви:

Бл. Августин¹¹ — в десятках рукописей;

Григорий Великий¹² — в десятках рукописей;

Беда Почтенный¹³ и Исидор Севильский¹⁴ — в очень большом числе списков.

Менее роскошно, но весьма полно представлены другие: Амвросий¹⁵ и Иероним,¹⁶ Евсевий¹⁷ и Тертуллиан,¹⁸ Петр Блаженный¹⁹

¹⁰ Юстиниан I (482—565) — византийский император с 527 г.

¹¹ Блаженный Августин (Aurelius Augustinus, 354—430) — христианский теолог и философ.

¹² Григорий I Великий (Gregorius Magnus, ок. 540—604) — Папа Римский с 590 г.

¹³ Беда Почтенный (Beda Venerabilis, ок. 673—735) — первый английский историк и теолог, автор «Historia ecclesiastica Gentis Anglorum».

¹⁴ Исидор Севильский (Isidorus Hispalensis, 570—636) — христианский теолог.

¹⁵ Амвросий (Ambrosius Mediolanensis, 340—397) — христианский теолог.

¹⁶ Иероним (Eusebius Hieronymus, 347(?)—420) — христианский теолог, переводчик Библии на латинский язык (Вульгата).

¹⁷ Евсевий Кесарийский (Eusebius Caesariensis, ок. 267—338) — христианский писатель и историк Церкви.

¹⁸ Тертуллиан (Tertullianus Quintus Septimius Florens, ок. 160—245) — один из отцов-апоологетов христианской Церкви.

¹⁹ Петр Блаженный (Petrus Blesensis, ок. 1135—1204) — французский писатель и церковный деятель.

и Гуго Викторинец,²⁰ Фома Аквинский²¹ и Бонавентура,²² Гильом Парижский²³ и Гонорий Отенский,²⁴ Иоахим Флорский²⁵ и Петр Мандукатор,²⁶ Ив Буржский²⁷ и Дуранд,²⁸ Жерсон²⁹ и Клеманжис,³⁰ Николай Мирский³¹ и Иероним Пражский,³² Меланхтон³³ и т. д. и т. д.

Среди перечисленных важных писателей Средневековья, конечно нет ни одного польского автора, но их мы найдем очень мало вообще в группе теологии, особенно в классическое Средневековье.

И из рукописей, в каких нам являются эти итальянские, французские, испанские, ирландские отцы, весьма значительное число писано не польскою рукою. Они попали в фонд Залуских или в предшествовавшие ему коллекции из Франции и других стран.

Особенно следует подчеркнуть, что многие из них вовсе не являются частями польских коллекций, но вошли в Публичную библиотеку через музеи Дубровского,³⁴ Сухтелена,³⁵ Строгановых³⁶ и индивидуально, как отрывки далеких, разметанных Французской революцией библиотек — Корбийской, Клермонской в конечном итоге Сен-Жерменской и других.

²⁰ Гуго Викторинец (Hugo de Sancto Victore, 1096—1141) — французский теолог.

²¹ Фома Аквинский (Thomas Aquinas, 1225—1274) — величайший теолог и философ-схоласт Средневековья.

²² Бонавентура (Johannes Fidanza de Bagnorea, 1221—1274) — итальянский теолог-францисканец.

²³ Гильом Парижский (Guillaume de Paris, ум. 1312) — доминиканец, генеральный инквизитор Франции.

²⁴ Гонорий Отенский (Honorius Augustodunensis, ок. 1080—ок. 1157) — французский теолог и философ.

²⁵ Иоахим Флорский (Joachim de Fiore (Fiore, Floris) de Celico, ок. 1132—1202) — итальянский религиозный деятель.

²⁶ Петр Мандукатор (Pierre le Mangeur, Comestor, Manducator, ум. 1179) — французский теолог.

²⁷ Ив Буржский — по-видимому, ошибка и речь идет об Иве Шартрском (Yves, ок. 1040—1116) — французский теолог.

²⁸ Дуранд (Durand de Saint Pourçain, ок. 1270 (1275)—1334) — доминиканский теолог.

²⁹ Жерсон (Gerson, Jean Charles, 1363—1429) — французский теолог, канцлер Парижского университета.

³⁰ Клеманжис (Nicolas de Clémanges, 1360—1437) — ректор Парижского университета в 1393 г., французский теолог.

³¹ Николай Мирский (епископ и «Mute en Lucie», ум. 342 г.), жила при Константине Великом.

³² Иероним Пражский (ок. 1378—1416) — чешский теолог-гусит.

³³ Меланхтон (Melancthon Philipp, 1497—1560) — немецкий протестантский теолог и филолог.

³⁴ «Музей Дубровского» — так назвал свою знаменитую коллекцию П. П. Дубровский (1754—1816), первый хранитель «Депю манускриптов» Имп. Публичной библиотеки.

³⁵ Сухтелен Петр Корнильевич (1751—1836), граф — русский дипломат и библиофил.

³⁶ Строгановы — имеются в виду граф Александр Сергеевич Строганов (1733—1811) — обер-камергер, член Государственного Совета, сенатор, главный директор императорских библиотек, и граф Александр Григорьевич Строганов (1795—1891), генерал-адъютант, член Государственного Совета.

О. А. Добнин-Рождественская за работой, РИБ, Ф. 254, № 497, Рис. 31.

Вместе с аналогичными рукописями этих последних, *не* польских хранилищ (более молодыми в Публичной библиотеке, но более древними и ценными безотносительно), патрологические коллекции Публичной библиотеки сложились в богатые, неоцененные сокровищницы мирового значения. Исследователь, который придет в Петроград, чтобы изучить традицию текста Григория Великого или Бл. Августина, имеет перед собою большую семью списков, где самыми многочисленными являются польские рукописи, но самыми драгоценными — рукописи фонда Дубровского, знаменитые по своей глубокой древности и стильной, своеобразной красоте, по редкому палеографическому одеянию унциалов и ранних национальных шрифтов, в которое они облечены. Разрывать такие серии, оставляя часть на берегах Невы и перевозя другую на берега Вислы, нам представляется ущербом для науки, а потому отрицательным деянием пред ее беспристрастным судом. Мы, русские ученые, которым в нашем поколении и в нынешней тревожной мировой обстановке судьба вверила охрану этого сокровища, не могли бы взять на свою ответственность участие в подобном деянии.

Мы знаем и понимаем, что на многих из этих рукописей есть признаки, есть черты, по которым можно и следует установить

их «связь с историей и культурой Польши». Эти черты исходят из того факта, что они, хотя и не созданные польским духом, были освоены этим духом, были переписаны, во многих случаях, польскою рукою, иногда покрыты — то в большем, то в меньшем числе — польскими глоссами. Однако эти произведения — не родные сыновья польской культуры, но адаптированные ее дети. Связь с польской культурой есть только оттенок, эпизод в их многовековой жизни, относительно второстепенный элемент их существа, их значения, исчезающий перед общиисторическим, мировым их значением. В них, и с ними, Польша — только сотрудник и чаще преемник всемирной культуры, и ее роль влагается в ту работу, где последнюю по времени, но не последнюю по значению долю принимает и Россия.

В общем, по преимуществу мирном странствии произведений науки и искусства в северную русскую столицу мы не можем не видеть одного из проявлений того огромного движения, которое фатально несло культуру с Запада на Восток и в котором Польша и Россия были крайними, последними этапами многовековой, полной значения исторической дороги — навстречу восходящему Солнцу.

То, что было сказано более детально о патрологической серии латинского фонда, относится ко всем почти его частям, в особенности в так называемых отделах *теологии, философии и юриспруденции*. Возьмем ли мы его литургическую серию: его лекционарии, миссалы, антифонари, бривиари, богатейший цикл сакраментариев, где так прекрасно дополняют друг друга палеографически, литературно и по содержанию древние тексты — в своей одежде унциала, меровингского и гйберно-саксонского письма (из музея Дубровского), редкой красоты строгановские Ногае (часовники) — с разнообразными, более всего, впрочем, обиходного типа (и обиходного письма) рукописями польских библиотек. Возьмем ли мы агнографию, где царствует (собранная опять-таки из музеев Дубровского, Залуских и Сухтелена) — богатая семья Золотой легенды Якова из Вараццо,³⁷ его Гомиллии и *Sermones* (Проповеди), его конкордации и комментарии, — везде одна картина. В большинстве этих рукописей нельзя отрицать их «связь с историей и культурой Польши», ибо они часто в ней списаны и через нее перешли. Они сгруппировались на долгие сроки в блестящих очагах польской культуры, как великих ее обитателях, и в пометках, списках польских аббатов и епископов носят на себе следы этих связей. Но по праву исконной исторической принадлежности единственно последовательным актом было бы вернуть их в эти обитатели, где их некогда тоже в свое время нарушила святотатственная — с точки зрения исторического права — рука. В интересах же науки эти памятники, вступившие в новые, мирового смысла соединения, должны остаться в

³⁷ «Золотая легенда Якова из Вараццо» (Jacques de Voragine, ум. 1298 г.) — итальянский церковный деятель, составитель знаменитого собрания житий святых «Золотой легенды».

Фердинанд Лот (1866—1952) с женой, М. И. Лот-Бородиной (1882—1957), и О. А. Добини-Рождественской. Франция, 1908—1910 гг. РНБ. Ф. 254, № 479. Рис. 22. Публикуется впервые.

Семинарий О. А. Добнаш-Рождественской «Парижский университет», 1913—1914 гг. РНБ. Ф. 254. № 479. Рис. 25.
Среди прочих: Е. Н. Чехова, Е. В. Зеленешкая, Е. Калшицкая, Н. Якименко, Т. А. Быкова.

Семинар О. А. Добнаш-Рождественской по датинской палеографии, 1924—1925 гг. Слева направо сидят: А. В. Банк, Е. В. Мочан, О. А. Добнаш-Рождественская, М. П. Румянцева, В. В. Ивашова. Стоят: В. Л. Штейншнейдер, И. Д. Тубянский (?), Е. А. Степанова, Г. У. Вальтер, Г. А. Штерн (?). РНБ. Ф. 254. № 495. Публикуется впервые.

этих соединениях, и их разрыв только и может болезненно отразиться на движениях и работах общей науки.

Все эти патрологические, агиографические и т. п. памятники, являясь наследием огромной вселенской грезы, веявшей когда-то над грубыми и скудными веками, грезы, к которой причастен был некогда весь европейский мир, эти памятники ныне стали, в их общей связи, объектом исторического изучения, к которому прилагает свою исследующую мысль весь мир. И не последней является в этом исследовании доля русской мысли и русской науки.

Все эти соображения вполне применимы к многим частям так называемой философской серии и к рукописям канонического права (отделы *философии* и *юриспруденции*). Но здесь и там лишь как редкие оазисы мелькают польские имена. Уставы монашеских конгрегаций — Василия Великого,³⁸ Бенедикта Нурсийского,³⁹ Августина — правила цистерцианцев, францисканцев, доминиканцев, переписанные с всекатолических текстов польской рукой или просто вывезенные из Италии, Франции и Германии, статуты общих соборов, списываемые для Польши или попадавшие в нее в иностранных списках постановлений Римской курии или общих соборов, Петр Ломбардский⁴⁰ и Алан Лильский,⁴¹ Раймунд⁴² и Дуранд, Иннокентий Второй⁴³ и Григорий Девятый⁴⁴ в своих посланиях и декретах естественно примыкают к общей канонической традиции и связываются с традицией французских рукописей каролингской и более поздних эпох в канонических манускриптах других фондов. Материалы Пражского и Парижского университетов, трактаты о гуситской ереси — весь этот сложный материал есть материал для общей истории Средневековья, где польский вклад невозможно и противоестественно отделять от других его частей и где все теряют при таком разделении. Случайно или нет составилась эта комбинация в Петроградском хранилище — она сложилась благоприятно для науки — русской, польской и общей. В ее охране мы видим наш насущный долг и нашу первую обязанность.

Есть в ряду латинских рукописей отделы, к которым характеристика их как трудноотделимых частей мирового хранилища приложима в ином смысле и где момент связи с историей и культурой Польши сильнее, теснее и очевиднее, чем в предшествующей серии. Это — отделы *истории*, *эпоквенции*, *поэзии*, отчасти *полиграфии*, известные части *юриспруденции*. Они пестрят именами польских авторов и богаты произведениями, где история и культура Польши занимает центральное место.

³⁸ «Устав Василия Великого» (Basilius Magnus, ок. 330—379) — христианский теолог и основатель восточного монашества.

³⁹ Бенедикт Нурсийский (Benedictus, ок. 480—543) — основатель западного монашества.

⁴⁰ Петр Ломбардский (Petrus Lombardus, ок. 1100—1160) — итальянский теолог.

⁴¹ Алан Лильский (Alain de Insulis, ум. 1202) — французский теолог.

⁴² Раймунд (Raymond de Peñafort, ок. 1180—1275) — испанский каноник, доминиканец.

⁴³ Иннокентий II (ум. 1143) — Папа Римский с 1130 г.

⁴⁴ Григорий IX (ок. 1160—1241) — Папа Римский с 1227 г.

Центральное, но не исключительное. Из рассмотрения писанных инвентарей Публичной библиотеки и даже печатных индексов, каковы каталог Мураля⁴⁵ и каталог Корженевского (именующий себя «Каталогом рукописей, относящихся к Польше»), видно, что в них отмечено много произведений, связь которых с Польшей заключается только в том, что они некоторое время в ней находились, значит — кого-то в ней интересовали. Например: *Historia Orientalis* неизвестного французского автора, Metthei Palmeri Florentini *De temporibus*, Иоани Златоуст⁴⁶ из библиотеки венгерского короля Матвея Корвина⁴⁷ и т. д. и т. д.

Я не могла бы сказать, каков приблизительно процент этих чужих произведений в списках польской (латинской речи) историографии. В каталоге Корженевского они составляют около 10%.

Но, поскольку речь идет о чисто польских историках, поэтах, риториках и философах, постановление извлечения этого материала из Публичной библиотеки не представляется нам положительным актом. В силу преобладающе мирового значения Публичной библиотеки все рукописное собрание, в полном его составе, и прежде всего латинское собрание, подлежит в принципе объявить неприкосновенным. Только эта *принципиальная* неприкосновенность защитит Публичную библиотеку от тягостной операции триажа, где под давлением столь неблагоприятной для научного спокойствия атмосферы, борьбы, будет идти бесплодный спор о преобладании «мировом» или «национальном» значении вечных ценностей. Мы полагаем, что отказ от этой операции и искание оснований для полюбовного соглашения более соответствовало бы спокойной атмосфере жизни в Публичной библиотеке и достоинству русской и польской науки.

Впрочем, мы полагаем, что эти в более тесном смысле слова польские (латинской речи) материалы, хотя и в своем одеянии международного языка, обнаруживают теснейшую связь с прямо польскими (по языку) рукописными фондами. Их судьба должна обсуждаться именно в этой связи.

Я не буду идти дальше в своих иллюстрациях. Дело систематической оценки — в затронутом споре значения — содержания Публичной библиотеки не может быть задачей общего собрания. Моей задачей было — на некоторых примерах обнаружить те мотивы, по которым мы защищали ее в оспариваемой части, в ее качестве мировой. Да будет искренность нашего убеждения стоять вне сомнений для Польской стороны.

⁴⁵ «Каталог Мураля» — Мураля Эдуард Гаспаронич (1808—1895), сотрудник Имп. Публичной библиотеки с 1838 по 1864 г. — Catalogue des manuscrits grecs de Bibliothèque impériale publique. S. Pétersbourg, 1846 et 1864.

⁴⁶ Иоани Златоуст (Johannes Chrysostomus, ок. 344—407) — константинопольский патриарх, церковный деятель и писатель.

⁴⁷ Матвей Корвин (Corvin Mathias, 1443—1490) — венгерский король; обладал обширной библиотекой, насчитывавшей более 50 000 кодексов.